

Виктория Захарова, Елена Дзюба
«Нижегородский текст» как объект литературовед-
ческой рефлексии

На первый взгляд, проблема выявления и последующего анализа «текста» как «некоего закрепленного словесного построения с определенной ценностью»¹, порожденного некими топологическими структурами², не нова. Так, идея организации образа города, оформившаяся как «Петербургский текст» в трудах Николая Анцыферова, ее развитие и формирование методологии исследования в творчестве Владимира Топоров, создала предпосылки для выделения таких феноменов, как Крымский, Северный, Сибирский тексты, для поиска духовных смыслов, описания и анализа ряда крупных эстетических систем в рамках указанных феноменов.

Современное литературоведение предлагает весьма широкий спектр трудов, изучающих региональный и национальный аспекты (локальных: региональных, городских) «(сверх)текстов» русской литературы/ культуры, их провинциального и/или столичного статуса, теоретико- и историко-литературное осмысления феномена. В практике современного литературоведения существуют как монографические работы, так и обобщенный результат коллективной научной мысли, возникший в формате дискуссионного режима научной конференции³.

© Виктория Захарова, Елена Дзюба. 2015

© TSQ № 53. Summer 2015

¹ Faryno, Jerzy. Введение в литературоведение, Ч. I, Katowice: Wydawn. Uniwers. Śląski, 1978, с. 239.

² Ср.: Меднис, Нина. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. педагог. ун-та, 2003, с. 16.

³ Люсый, Александр. Крымский текст русской литературы, СПб.: Алетейя, 2003; Абашев, Владимир. Пермь как текст. Пермь в русской культуре

В центре внимания исследователей оказываются константы духовной жизни нации, соотнесенные с тем или иным сакральным центром или поддерживающие с ним генетическую связь, участвующие в мифопорождающем процессе⁴.

Алексей (Алексеевич) Павловский, размышляя об алгоритме подобного рода исследования, заметил, что «художественная география» есть «пространство, где судьбы героев и их авторов находятся в другом, не ограниченном ни пространством, ни временем духовном поле»⁵.

Однако, несмотря на очевидную разработанность подходов к исследованию «текста» и путей его анализа, как показывает практика, литературоведение по-прежнему оказывается перед непростым выбором вектора рефлексии: что именно описывается и систематизируется, какие механизмы типологизации явления оказываются определяющими, «срабатывают» в том или ином случае.

Так, очевидной дискуссионной проблемой является **оппозиция** так называемых **«сверхтекстов»**, которых, по мнению ряда исследователей, быть много не может (Московский, Петербургский), и **региональных текстов**, осмысление которых

и литературе XX века: Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2000; Орловский текст русской словесности: творческое наследие И. А. Бунина: материалы Всероссийской научной конференции. Вып. 2. Орел: Изд-во Орловского ун-та, 2010; Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства: Материалы международной научной конференции. Иркутск: Иркутский гос. ун-тет, 2004; Галимова, Елена. Северный текст в составе локальных (городских и региональных) сверхтекстов русской литературы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012, вып. 1, с. 121-129.

⁴ Тюпа, Валерий. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал, 2002, № 1, с. 27-35; Лавринцев, Павел. Присвоение Вильнюса в русской литературе // Уральский исторический вестник, 2014, №3, с. 63-69; Люсий, Александр. Крымский текст русской культуры и проблема мифологического контекста. Диссертация на соискание уч. степ. кандидата культурологических наук, Москва, 2003.

⁵ Павловский, Алексей (Алексеевич). «Петербургский текст»: задачи исследования // Из истории русской литературы XX века: Сб. ст. и публикаций. Под ред. Аскольда Муратова и Алексея (Алексеевича) Павловского, СПб.: Изд-во СПбУ, 2003 (Петербургский текст; Вып.2), с. 56-66; с. 56.

возникает в том случае, когда в регионе, географическом ареале, существует значительный массив культурно-исторических и литературных фактов, требующий оценки и систематизации (например, Орел, Нижний Новгород, Астрахань, Арзамас).

Ряд региональных литературоведческих школ делают выбор в пользу изучения «своих», местных текстов «по аналогии» с методологической установкой, реализованной при выявлении феноменов «петербургский текст», «московский текст».⁶ В то же время изучение по аналогии не всегда помогает увидеть индивидуальные особенности и оригинальные свойства «своего» текста, влечет за собой исключение из зоны исследовательского внимания глубинных мифопоэтических структур и архетипических сигналов, объединяющих и воссоздающих культурно-историческое и культурно-поэтическое смысловое поле «региональных текстов». В этом смысле верным оказывается замечание Александра Янушкевича о том, что Сибирский текст «имеет огромный семиотический потенциал», обладающий комплексом идей, «которые можно определить как региональное самосознание»⁷. Однако только выявление в составе текста масштаба национального мышления может реализовать геопоэтику регионального типа как феномен, не позволить региональному тексту замкнуться в себе.

Материал, накопленный и осмысленный исследователем, должен коррелировать с существующими в сознании ответственных субъектов речи ассоциациями, накопленными предшествующим опытом, выстраивать коммуникацию между прошлым и будущим, соответствовать исторической и социальной практике, служить поводом к диалогу, в том числе, в области межкультурной коммуникации. Только в этом случае

⁶ Ковалева, Татьяна. Актуальные проблемы изучения локального текста // Орловский текст российской словесности: материалы Всероссийской научной конференции. Вып. 2. Орел: Изд-во Орловского ун-та, 2010, с. 3-5; с. 5.

⁷ Янушкевич, Александр. Сибирский текст: взгляд извне и изнутри // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства: Материалы международной научной конференции. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2004, с. 227-235; с. 233.

мы можем говорить о выявлении соответствующего «текста» как концентрации кодов и смыслов общенационального масштаба в пределах определенного и локального явления, обнаружении в малом — большого; в незначительном — космического, в бытовом — бытийного.

В противном случае возникает соблазн перейти к изучению краеведческого материала, который может стать только копилкой фактов, капсулой для дальнейшей «переплавки» его в аналитический материал. Такие исследования обретают ярко выраженный региональный аспект, который не позволяет им подняться до масштабного осмысления проблемы. Между двумя полюсами исследовательских установок и рефлексий существует известное напряжение. Если исследование своего, регионального компонента ведет, по метко-ироничному замечанию, к «культурному сепаратизму»⁸, то диалог с миром открывает окно для реализации не менее разрушительной центробежной тенденции, замеченной Иваном Есауловым как одним из участников рефлексии над понятием 'текст культуры — текст словесности', в том числе в нижегородском наполнении.

Ученый замечает: «Конечно, в возрастающем количестве провинциальных текстов можно усмотреть — при желании — некую центробежную динамику. Однако же такая динамика могла бы представлять опасность в том случае, если бы в историческом центре действительно бы имелся сакральный символ. В нынешних же условиях место этого сакрального центра слишком часто занимает зияющая пустота, которая, тем не менее, до сих пор множит свою inferнальную сущность в тысячах текстовых симулякров, отнюдь не безобидных. И разве предельная унификация и обезличивание не прошли асфальтовым катком по живому телу России?»⁹.

⁸ Касымов, Александр. Мост через Каму, соединяющий берега Волги: рецензия на книгу Владимира Абашева «Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Перм. университета, 2000» // Знамя, 2001, № 8, б. пар.: <http://magazines.russ.ru/znamia/2001/8/kas.html>.

⁹ Есаулов, Иван. Полемика по поводу понятия текст и многообразие русской культуры // Нижегородский текст русской словесности: межвузовский сборник научных статей. Нижний Новгород: Изд-во НГПУ, 2011,

«Нижегородский текст русской словесности» не мог не появиться как исследовательская проблема в литературоведческом сознании и исследовательской практике, так как еще не названный, он был закреплен в литературоведческой памяти именами Пушкина и Горького, чьи знаковые тексты создали аксиологическое поле напряжения в русской литературе (стоит еще раз упомянуть «Горьковские чтения», «Болдинскую осень»). Формировавшееся столичное самосознание города, актуализация номинации «карман России» — метафора экономического значения города, открытость миру в 90-е годы XX века («Сахаровский фестиваль») заставляло задуматься о Нижегородской траектории в культурном русле общероссийского развития.

Понятие «регионального текста» по отношению к Нижнему Новгороду требовало снять оппозицию 'провинция — столица' и переосмыслить значение *незаурядных произведений*, долго остававшихся в тени исследовательского внимания, однако явно способных вести с читателем «диалог в большом времени» (Михаил Бахтин), с точки зрения порубежных XX–XXI вв. методологических подходов.

Разумеется, нижегородское и в целом российское литературоведение всегда занималось изучением творчества наиболее знаковых фигур русской литературы, которые были связаны с Нижним Новгородом, в том числе, например, исследованием сочинений протопопа Аввакума, творчества Павла Мельникова (Андрея Печерского), Владимира Короленко. Однако задачи выявления общности в выборе темы, художественном осмыслении явления у различных авторов, определяемой не только этапами развития русской литературы и главенствующим типом художественного сознания, но и эстетической энергией местопорождения сочинения, в предыдущем опыте еще не было. Одной из ранних попыток рассмотреть нижегородских писателей как специфическое единство нераскрытых или забытых талантов была предпринята Вячеславом Харчевым в книге «Нижегородская Атлантида» (имена Марии Жуковой, Михаила Михайлова, Николая

с. 7-11; с. 10-11.

Вагнера, Петра Боборыкина, Ивана Рукавишникова, Бориса Садовского)¹⁰.

Перед исследовательской группой «Нижегородского текста», в которую вошли отечественные и зарубежные исследователи, встали следующие задачи:

- описать нижегородский текст русской словесности как культурно-эстетическую общность, позволяющую

- выявить в его составе систему символов, внутри которой аккумулирован геокультурный и геопозитический потенциал многовековой национальной истории;

- обозначить черты универсальной образной модели русского национального характера, специфику представления об образцовом русском человеке, идеальном содержании русской народной жизни;

- рассмотреть «Нижегородский текст» как систему, которая находится в активном взаимодействии с общенациональным культурным кодом и является открытой для прочтения на различных временных уровнях восприятия.

Отказ в процессе исследования от привычного типологического ряда, внимание к профетическим идеям и признакам зарождения нового художественного мышления, опережающего свое время на десятилетия в творчестве писателей разных эпох и периодов развития русской литературы, позволили выявить наиболее значимые характеристики «Нижегородского текста русской словесности». Научная деятельность, объединяющая исследователей «нижегородского текста» в течение почти десяти лет (в октябре 2015 года состоится пятая по счету конференция)¹¹, дает возможность подвести первые итоги и представить ряд выводов, являющихся результатом совместного, но вместе с тем в достаточной степени независи-

¹⁰ Харчев, Вячеслав. Нижегородская Атлантида: Литературоведческие очерки. Нижний Новгород: Нижегород. гуманит. центр, 2001.

¹¹ Нижегородский текст русской словесности. Нижний Новгород: Изд-во НГПУ, 2007, 2009, 2011, 2013. Проведение V Международной научной конференции «Нижегородский текст русской словесности» в октябре 2015 года поддержано Российским гуманитарным научным фондом (проект № 15-04-14068 г.).

мого и репрезентативного литературоведческого анализа явления.

Итак, наиболее значимыми характеристиками Нижегородского текста русской словесности являются:

1) его мифогенерирующий характер, у истоков которого легенда о граде Китеже, поддержанная преданиями о сакральных топосах Нижегородской земли — озерах Светлояр и Нестьяр.¹² Специфическая проекция легендарно-мифологического бытия нижегородского текста возникает в современном прочтении нижегородского текста, книге проф. Вячеслава Харчева «Нижегородская Атлантида», посвященной неизвестным и признанным писателям Нижегородской земли¹³.

Нижегородский текст не укладывается в рамки представления только о городском, урбанистическом пространстве.

2) Нижегородский текст идентифицируется в культурно-историческом и собственно художественном сознании с помощью его сакральных символов-образов: благоверных князей Бориса и Глеба, преподобного Ильи Муромца, благоверных князей Петра и Февронии Муромских, праведной Иулиании Лазоревской, почившего на нижегородской земле благоверного князя Александра Невского.

Надежда Пак, останавливаясь на анализе очерков Бориса Зайцева («Странник», «Около св. Серафима»), формулирует важную для оценки и описания Нижегородского текста мысль о преобразовании географического пространства путешествия семьи Зайцевых по местам, связанным с жизнью Преподобного (речки Сатис и Саровка), в духовное, пропитанное национально-сакральными свойствами и признаками. «Путешествие — от интеллигентского мирочувствия к приобщению к святыне — духоподъёмному состоянию»¹⁴. Сам

¹² Шешунова, Светлана. Легенда о граде Китеже в контексте национального образа мира // Нижегородский текст русской словесности: Межвузовский сборник научных статей, Нижний Новгород: Изд-во НГПУ, 2007, с. 359-362.

¹³ Харчев, Вячеслав. Нижегородская Атлантида: Литературоведческие очерки. Нижний Новгород: Нижегород. гуманитар. центр, 2001.

¹⁴ Пак, Надежда. Преподобный Серафим Саровский в литературе русской эмиграции // Нижегородский текст русской словесности: Межву-

очерк воспринимается Зайцевым и комментируется исследователем как «Покаяние за то, что в свое время «не увидели», «не услышали», «не прославили». Но в большей степени — это сотворение иконы и молитвенное предстояние святому». Появляется образ «серафического света»¹⁵.

3) Необходимо, с нашей точки зрения, обозначить парные по отношению к сакральным образам профанные, воплощающие мирское образное представление о Нижнем Новгороде. Здесь мы имеем в виду образ нижегородчины, реализованный в стихах Евгения Долматовского, где происходит соприкосновение «нижегородского» и в исторической проекции «горьковского текста» с его уникальным топосом — Сормово¹⁶. Не единственное в его творчестве («Разговор Волги с Доном», «Здесь у нас на Волге», которое звучит в к/ф «Екатерина Воронина», 1957), стихотворение, ставшее музыкальным текстом, являет собой идиллический хронотоп: река, лето, «золотое окно», подруга, хороший дружок — ценностно совпадают с индустриальным Сормово, моделируя, таким образом, новые ориентиры в поствоенном индустриальном пейзаже национального мира, а вместе с ним и новую несакральную мифологию. Сложная производственная тема непростого производства ассоциируется с положительными эмоциями (утренняя смена, первая сирена) и фольклорными образами (ясная зорька, широкая Волга, «хороший дружок»)¹⁷.

4) **Мифогенное** пространство поддержано и динамически функционирует в художественном осмыслении авторами Нижегородского текста образа Волги. Художественное воплощение волжского хронотопа не только позволяет говорить о мерцании архетипической структуры и влияет на формирование культурного кода исторической памяти, но образует

зовский сборник научных статей. Нижний Новгород: Изд-во НГПУ, 2007, с. 88-95; с. 92, 93.

¹⁵ Там же, 93.

¹⁶ Чернышева, Елена. «Сормовская лирическая» Е. А. Долматовского: в поисках идеальных героев // Нижегородский текст русской словесности: Нижний Новгород: Изд-во НГПУ, 2011, с. 104-107.

¹⁷ Там же, с. 104, 105.

«мосты» в геопоэтическом пограничье русских провинциальных и национального текста отечественной словесности (Самара, Елабуга, Астрахань, Плес, Углич).

Таким образом, Нижегородский текст, включенный в орбиту осмысления образа Волги, тяготеет к осмыслению его в рамках представления о *гипертекстах* русской литературы и культуры. Так, Александр Рассадин писал: «Можно ли здесь хотя бы приблизительно определить, где заканчивается один текст и начинается другой? В какой степени здесь важны география, статус той или иной территории, этнический состав, нахождение ее в той или иной климатической зоне?»¹⁸.

Образ Волги, многократно повторяясь в сочинениях нижегородских авторов или в произведениях о Нижнем Новгороде (Петр Боборыкин, Максим Горький, Василий Розанов, Евгений Чириков, Иван Рукавишников), соотносится не с местным колоритом и географией, но и с общероссийским символом. В этом смысле алгоритм прочтения образа Волги, в том числе и по отношению к Нижегородскому тексту, задает Розанов в очерке «Русский Нил», определяя не только реку, но и город, в котором прошли годы его ученичества, как реку духовного окормления. Этот аспект также типологически осмыслен исследователями Нижегородского текста Луизой Оляндэр и Викторией Захаровой. Оляндэр пишет: «Необходимо также помнить, что Волга позволяет с особой остротой ощутить особенность России. Об этом хорошо сказано у Розанова: „На Волге в самом деле сливаются Великороссия, славянщина с обширным мусульманско-монгольским миром, который здесь начинается, уходя средоточием своим в далекую Азию“»¹⁹.

Волга как олицетворение «православной сакральности русской жизни» осмыслена и в статье Захаровой «„Мир Вол-

¹⁸ Рассадин, Александр. Нижегородский и симбирский тексты русской словесности: к постановке проблемы // Нижегородский текст русской словесности: Межвузовский сборник научных статей. Нижний Новгород: Изд-во НГПУ, 2007, с. 48-52; с. 49.

¹⁹ Оляндэр, Луиза. Нижегородский и Петербургский тексты в художественной системе Максима Горького. // Нижегородский текст русской словесности: Межвузовский сборник научных статей, Нижний Новгород: Изд-во НГПУ, 2007, с. 25-33; с. 25.

ги” в путевых очерках В. Розанова „Русский Нил”». ²⁰ Профанный хронотоп «опять на родине» взаимодействует в очерке Розанова с сакральным: «Что такое Нил — не в географическом и физическом своем значении, а в том другом и более глубоком, какое ему придал живший на его берегах человек? Великая, священная река, подобно тому, как мы говорим «святая Русь» в применении тоже к физическому очерку страны и народа»²¹. Онтологический смысл и историческая роль реки в жизни России, постигаемая автором на нижегородском берегу Волги, позволяет Розанову увидеть и воспринять глубинный смысл национальной ментальности, уловить динамику жизненного течения, сконцентрировать глубокую образную характеристику «волжского мира», являющегося для философа своеобразной гармонической моделью национального жизнеустройства, близкой к идеальной.

Гипертекст, формируемый образом Волги, существует не только в координатах сакральности, но подпитывается и знаковыми геопоэтическими символами нижегородского текста (предание о реке Пьяне)²².

Исследователи Нижегородского текста, прекрасно осведомленные о необычайной насыщенности этой земли сакральными топосами, известными еще с древнейших лет и воспетыми в древнерусских памятниках, убеждены в необходимости подходить к современной дешифровке их богатой семантики с позиций общенационального масштаба. Эти сакральные топосы — как связанные с рекой/водой (Волга, Ока, Китеж, озеро Светлояр), так и связанные с сакральными смыслами бытия русского человека (Серафим Саровский, Петр и Феврония Муромские, Макарий Желтоводский) — опозна-

²⁰ Захарова, Виктория. «Мир Волги» в путевых очерках В. Розанова «Русский Нил» // Жизнь провинции как феномен духовности, Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2006, с. 97-98.

²¹ Русский Нил (Впечатления на Волге) // Он же. Сочинения: Иная земля, иное небо...: Полное собрание путевых очерков, 1899-1913 гг. Ред. Виктор Сукач. Москва: Танаис, 1994, с. 329-407; с. 331.

²² Курдин, Юрий. Предание о реке Пьяне Нижегородский текст русской словесности: Межвузовский сборник научных статей, Нижний Новгород: Изд-во НГПУ, 2007, с. 65-69.

ются как свои современниками, приходящими из разных мест России, т.е. наблюдается размытие границ между «своим» и «чужим» при меморизации этих топосов, поэтому для исследователей нижегородского текста становится важным выявить свое собственное отношение к проблеме «своего» и «чужого» в материале исследования. В данном вопросе мы ориентируемся на размышления Александра Панченко, озабоченного поиском, выделением некоего «сердца» и «неотчуждаемой топики» русской культуры, выделением ее «единообразия» поверх дихотомии «высокого» — «низкого» (а также «борьбы течений, школ, жанров и т. д.»),²³ перенося поиск петербургского ученого в плоскость географического пространства, ставя своей целью выделение элементов общезначимой национальной аксиологии в сакральных топосах конкретного регионального текста — нижегородского текста. Свидетельством нашей позиции и наших усилий стала состоявшаяся в 2013 году IV конференция, посвященная 340-летию появления «Жития протопопа Аввакума». Научная дискуссия позволила актуализировать в исследованиях проблемы «Нижегородского текста русской словесности» авторскую стратегию и нравственную позицию древнерусского писателя, для которого постоянное ощущение причастности к нынешнему моменту жизни, современности, и взгляд, обращенный к истории и вечности, были неразделимы. Такое «внутреннее созерцание», свойственное древнерусским писателям²⁴, создавало безграничную перспективу для обобщения и размышления над закономерностями жизни на всей территории Руси.

5) Можно с уверенностью говорить, что одним из генеральных векторов нижегородской аксиологии становится мотив **красоты**. Выявляемые в творчестве писателей и рефлексии ученых образы **красоты/ представление о красоте**

²³ Панченко, Александр. Русская культура в канун петровских времен // Он же. О русской истории и культуре. СПб.: Азбука, 2000., с. 255, 260.

²⁴ Ужанков, Александр. Эволюция пейзажа в русской литературе XI – первой трети XVIII вв. // Древнерусская литература. Изображение природы и человека. Коллективная монография. Москва: Наследие, 1995, с. 19-89; с. 36.

ном, соотносятся с «нижегородским текстом» непосредственно или взаимодействуют с ним.

Так, Светлана Шешунова фиксирует в статье «Гидроним „Волга“ в контексте национального образа мира»: «...С Волгой традиционно соединяется мотив любования большими пространствами и наслаждения неограниченными передвижениями по ним. Ее образ в русской словесности формирует лингвоспецифические слова — даль, ширь, раздолье. Все они обладают положительными коннотациями и семантически родственны простору, который в русской языковой картине мира естественно сочетается с концептами родного; отсюда устойчивость выражения „родные просторы“»²⁵.

В работе исследователь, отсылая к народной легенде о переплытии Богородицей реки и к пословице «В Преполовление Богородица Волгу переплыла», выявляет общий семантический компонент образов Волги и Пасхи — «родное» и указывает на близость в русском языке концептов Волга, Русь, Богородица²⁶.

Анализируя образную систему поэмы Александра Солженицына «Дороженька», Шешунова замечает: «Пытаясь описать Волгу, автобиографический герой поэмы А. И. Солженицына „Дороженька“ восклицает: „Хоть заплачь от этой веющей печали / Хоть Христосуйся — такая в сердце Пасха!“ Слово Пасха здесь — не календарная веха (действие происходит летом) и не знак религиозности персонажа» (он так же безразличен к религии, как и сам писатель в период создания этой поэмы). Однако именно таким словом передается впечатление от Волги. Скорее всего за этой метафорой стоит подсознательное чувство. Что Пасха — самое прекрасное, самое светлое, что может пережить человек»²⁷. В контексте националь-

²⁵ Шешунова, Светлана. Гидроним «Волга» в контексте национального образа мира.// Нижегородский текст русской словесности: Межвузовский сборник научных статей, Нижний Новгород: Изд-во НГПУ, 2009, с. 129-133; с. 129

²⁶ Там же, с. 132.

²⁷ Там же, с. 132.

ного образа мира образ Воли и образ Пасхи имеют общий семантический компонент — «родное»²⁸.

Таким образом, архетипические структуры, ассоциативно соотнесенные с Нижегородским текстом, реализуются в устойчивых по отношению к первообразу символах материнского начала: Волга — всем рекам мать, Волга — матушка, Богородица.

б) Наконец, важной репрезентативной характеристикой текста становится реализуемый в нем **«диалог в большом времени»**.

Современный исследователь, приступая к забытому в истории произведения, порой целого наследия, должен отдавать себе отчет о причинах не востребоваемости таких артефактов. Зачастую она вызваны незрелостью современной авторам общественной, исторической мысли, недостатком эстетической чувствительности. Последовательное прочтение мест из двух трудов Николая Бердяева дает нам понять, что Константина Леонтьева, например, могла понять только такая эпоха «обострения эстетической чувствительности», как Серебряный век²⁹.

Внимательный анализ подтверждает, что многие из так называемых забытых текстов разрушают представление о привычном типологическом ряде литературы, участвуя в рождении нового художественного мышления, опережающего свое время на десятилетия. Речь идет, например, о первом романе Леонтьева «Подлипки» (1861), написанном молодым автором в имении барона Дмитрия (Григорьевича) Розена в Арзамасском уезде Нижегородской губернии.

Нижегородское имение в жизни писателя сыграло роль места, *«уготованного душе»*³⁰, подобно Мелихову в творчестве Чехова, Болдино для Пушкина, хутору Бутырки — Ивана Бу-

²⁸ Там же.

²⁹ Бердяев, Николай. Константин Леонтьев: Очерк из истории русской религиозной мысли. Paris: YMCA-Press, 1926, с. 40; Он же. Самопознание. Москва: Книга, 1991 [1-е изд. Париж, 1949], с. 140.

³⁰ Зайцев, Борис. Путешествие Глеба // Он же. Атлантида. Калуга: Ин-т усовершенствования учителей, 1996, с. 92.

нина, воплощенному в «нобелевском романе» «Жизнь Арсеньева».

Не случайно, оценивая именно этот роман, Бердяев писал: «К. Леонтьев был импрессионистом, когда об импрессионизме еще ничего не говорилось. Для своего времени он был новым и оригинальным художником».³¹ В эпоху русского модернизма о романах Леонтьева можно было встретить немало восторженных откликов в прессе³².

Синтез лирики и эпики, импрессионистически-субъективированной психологизации, многомерной символизации и мифопоэтики в прозе Леонтьева поднимает повествование об очень частных, индивидуально-личностных ценностях до уровня общенациональной аксиологии.

Не менее парадоксально и положение в литературном процессе XIX века романа Леонтьева «В своем краю» (1864), который при внимательном исследовании осмысливается как диалог с героями Ивана Тургенева и Льва Толстого. Леонтьев не только как бы проецирует расстановку сил в романах Толстого, но даже *предрекает* их нравственно-философские искания.

Таким образом, проблема изучения *регионального текста* выходит за его рамки на уровень решения задач восстановления целостной и полнокровной картины развития, *национального литературного процесса*.

7) Описание Нижегородского текста русской словесности невозможно без рецепции его, условно говоря, **«персонажного поля»**, испытывающего на себе мощное воздействие «универсального» уровня формирования образной системы (особенностей хронотопа, мифопорождающих импульсов, специфики устойчивых и повторяющихся образов). В этом смысле репрезентация характерологии Нижегородского текста определяется насыщенностью его «персонажного поля» в исторической/ мифологической/ легендарной ретроспективе. Это поле формируют уже неоднократно названные в пределах

³¹ Бердяев, Константин Леонтьев, 1926, с. 40.

³² См. об этом: Захарова, Виктория. Импрессионизм в русской прозе Серебряного века: монография. Н. Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2012.

этой работы образы — символы (Серафим Саровский, Петр и Феврония Муромские, «огненный протопоп» Аввакум). Безусловно, исследовательское внимание привлекает проблема национальной характерологии в ее высоком патриотическом звучании — образ Нижнего Новгорода как города гражданина Минина (здесь еще многие лакуны требуют своего заполнения в современном понимании историософии).

Отзвуки высокого духовно-нравственного потенциала древнерусских истоков Нижегородского текста исследователи обнаружили в целом ряде примеров его художественного осмысления:

- создание образа русской провинции, близкого к идиллическому, в романе Петра Боборыкина «Василий Теркин», где образ главной героини Калерии воплощает «чистоту, кротость и смирение», что позволяет соотнести его с образом девы Февронии³³;

- положительный образ русской женщины, способной к мужественной борьбе с трудностями и самопожертвованию, был создан Александрой (Никитичной) Анненской (роман «Анна»);

- герой, предваряющий любимых толстовских персонажей в их устремленности к нравственной высоте помыслов и поступков, воплощен Марией (Семеновной) Жуковой (повесть «Медальон»).

Среди современных нижегородских авторов выделяется творчество о. Владимира Гофмана, создающего образы героев, способных увидеть в мире «отблеск Фаворского света». Так на-

³³ См.: Легошина, Лариса. Русская провинция в романе П. Д. Боборыкина «Василий Теркин» // Нижегородский текст русской словесности: Межвузовский сборник научных статей. Нижний Новгород: Изд-во НГПУ, 2007, с. 131-136; Кашкина, Людмила. «Материнская рука» А. Н. Анненской (роман «Анна») // Нижегородский текст русской словесности: Межвузовский сборник научных статей. Нижний Новгород: Изд-во НГПУ, 2011, с. 212-218; Жилина, Наталья. Любовь как аксиологическое понятие в повести М. С. Жуковой «Барон Рейхман» // Нижегородский текст русской словесности: Сборник статей по материалам IV международной научной конференции. Нижний Новгород: Изд-во НГПУ, 2013, с. 79-83.

зывается один из его рассказов.³⁴ Нравственные ценности человека-труженика исследуются в творчестве Нижегородских поэтов.³⁵

Выше мы обозначили лишь положительные примеры национальной характерологии Нижегородского текста. Разумеется, она не ограничивается только этими примерами, и существование «свинцовых мерзостей» всегда волновало писателей — творцов Нижегородского текста.

Сознательной установкой авторского коллектива является актуализация внимания литературоведческого сообщества и широкого круга заинтересованных читателей к позитивному содержательному послы, сопровождавшему развитие национального литературного процесса. Полагаем, представленная нами исследовательская траектория в наибольшей степени отвечает социокультурным запросам современности, ибо идея «спасающей красоты» необходима всему человечеству. Эта идея, как уже было отмечено выше, существующая в пределах Нижегородского текста с древнейших времен, продолжает пульсировать и в XXI веке, находя подпитку в национально-исторических и сакральных топосах Нижегородской земли – земли Козьмы Минина и Ивана Кулибина, а также Китеже, Дивееве, Волжском Откосе, Сормове. Представляя на первой конференции «Нижегородский текст русской словесности» (2007) концепцию биобиблиографического словаря ИРЛИ РАН «Русская литература XX века. Прозаики. Поэты.

³⁴ Жучкова, Елена. Мотив чуда в рассказе Владимира Гофмана «Отблеск Фаворского света» // Нижегородский текст русской словесности: Межвузовский сборник научных статей. Нижний Новгород: Изд-во НГПУ, 2007, с. 343-346; Художественное решение темы России в поэзии отца Владимира Гофмана // Нижегородский текст русской словесности: Межвузовский сборник научных статей. Нижний Новгород: Изд-во НГПУ, 2009, с. 235-237; Творчество отца Владимира Гофмана как явление «иерейской прозы» (на материале рассказа «Животворящий крест») // Нижегородский текст русской словесности: Межвузовский сборник научных статей. Нижний Новгород: Изд-во НГПУ, 2011, с. 79-83.

³⁵ Борисова, Лариса. Нравственные ценности в творчестве нижегородского поэта А. И. Люкина // Нижегородский текст русской словесности: Межвузовский сборник научных статей. Нижний Новгород: Изд-во НГПУ, 2009, с. 238-239.

Драматургии» (2005), Алексей Любомудров отметил: «Как в капле воды, в нижегородской литературе отразились драматические судьбы, художественные направления, искания и достижения всей русской литературы минувшего столетия». Образная и емкая оценка Нижегородского текста, данная ученым, позволяет не только утвердиться в мысли о том, что русский литературный процесс в его нижегородской экспликации фиксирует и демонстрирует признаки художественного самосознания не периферийной, а общенациональной значимости. Следовательно, и перспективная задача определения теоретико-литературной сущности Нижегородского текста, видится в его прочтении как исторически изменчивого, аксиологически уникального явления, сохраняющего свою национальную инвариантность. Последовательные шаги современных нижегородских исследователей и наших коллег из других городов, направленные на изучение проблемы, поддержаны в 2015 году РГНФ.